

Людмила Меренкова

Ошибки Вероники, или Уроки богов

Принцип бумеранга

Людмила Меренкова

Ошибки Вероники, или Уроки богов. Принцип бумеранга

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21160475

ISBN 9785448308161

Аннотация

Девчонка с экзотическим для села именем сразу после окончания школы попадает в самостоятельную взрослую жизнь, в которой есть любовь и предательство, радости и страшные трагедии. Но Вероника подобно конкистадору бесстрашно и решительно стремится на поиски любви, не замечает знаков с небес, не усваивает уроков – и горько платит за ошибки...

Ошибки Вероники, или Уроки богов Принцип бумеранга Людмила Меренкова

© Людмила Меренкова, 2016

ISBN 978-5-4483-0816-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дом, в котором в тот далекий зимний вечер собралась вся продвинутая молодёжь небольшого и небогатого совхоза, был одним из самых просторных и красивых на улице Лермонтова, выделялся высокими, ярко окрашенными воротами и крыльцом под развесистой грушей и большими, до блеска вымытыми окнами. Отец семейства, настоящий трудяга и заботливый хозяин дома дядя Митя, как все вокруг его называли, был «душа нараспашку».

С его добродушного согласия в его выкрашенном, выбеленном и намытом доме всегда собиралось много девчат и ребят, потому что его дети – Анна и Юрий и росшие здесь же их двоюродные родственники по матери – брат и сестра Суходольские были очень дружны с целой ватагой подростков из многочисленной родни хозяина этого госте-

приимного дома.

Сегодня был особенный повод собрать родных и друзей, таких же подростков, как и вышеперечисленные «аборигены». Отмечался день рождения самого старшего из братьев – Андрея, уже студента, который специально должен был приехать из Владикавказа в этот вечер, чтобы повеселиться в кругу близких, а главное, чтобы наконец-то состоялась его долгожданная встреча с новой подругой двоюродной сестры Анны.

Эта подруга появилась в совхозе три месяца назад в качестве старшей пионервожатой в их общей школе. Приехала она из райцентра, была симпатичной, весёлой и энергичной, и поэтому вызывала бурный интерес у всей совхозной молодёжи.

Вожатая с редким в этих местах и поэтому романтичным и загадочным именем Вероника сразу подружилась с десятиклассниками, легко освоилась и даже успела не очень счастливо влюбиться в этой заводной и дружной компании. С Андреем встречаться она не очень – то и мечтала и поэтому спокойно уезжала в субботу к себе домой в свой райцентр, а Андрей именно в это время ехал по той же дороге, но в обратном направлении, из Владикавказа в совхоз. Поездки домой были Веронике просто необходимы: она впервые оторвалась от родного дома, жила в совхозе на квартире, и мамины пирожки и котлеты скрашивали её скудный рацион всю рабочую неделю. Да и по дому она пока ещё сильно скучала.

Сам Андрей, давно просивший Анну познакомить его с Вероникой, никак не решался пропускать занятия в первые месяцы студенческой жизни и очень переживал, что встреча всё откладывается. Эта вечеринка в его день рождения была затеяна специально для того, чтобы знакомство, наконец, состоялось, так как Вероника пообещала подруге не уезжать и прийти в этот вечер к ним домой.

И вот вечером 3 февраля в дом Авдеевых стали собираться гости от 14 до 18 лет. Окна засветились праздничным светом, двор заполнился гомоном и обрывками музыки, а между отдельно стоящей во дворе кухней и домом забегали с тарелками и подносами гостеприимная хозяйка дома – мама Полина и юркие помощницы из числа гостей.

В дальней комнате, у проигрывателя, в полумраке, стояла Вероника. Её длинные каштановые волосы были завиты и собраны в пышный хвост на затылке, и без того огромные серые глазищи подведены чёрным карандашом. На ней было короткое коричневое платье с кружевным белым воротничком, напоминающее школьную форму, да и сама она напоминала школьницу перед экзаменом.

Ей было немного грустно, и все же она с лёгким волнением ждала встречи с Андреем. Обрисованная подругой в подробностях его романтическая внешность и ореол студента действовали

на влюбчивую девушку завораживающе, и ожидание приключения, несмотря на совсем недавно пережитое разочарование, слегка волновало её душу. Но ничего особенного она от предстоящего знакомства не ожидала. Именинник почему-то задерживался: может, опоздал на автобус, или кто-то встретился ему по пути, но гости были уже в сборе, а виновника торжества всё не было.

Вероника продолжала менять пластинки и особенно часто ставила песню, успевшую стать очень популярной. Мягкий и грустный мужской голос пел: «Люди встречаются, люди влюбляются, женятся. Мне не везёт в этом так, что просто беда!...» Она в очередной раз осторожно поставила головку проигрывателя на мягкую голубую пластинку и подняла голову на шум у входной двери.

В проёме, освещённый сзади светом из смежной комнаты, стоял очень высокий парень с почти белыми длинными волосами. Лицо оставалось в тени, но даже при таком свете Вероника разглядела его восхищённый взгляд. Что-то в этом взгляде было почти пугающим, будто затягивающим в свою темную бездонную бесконечность... Она бы очень удивилась, если бы сейчас ей кто-нибудь сказал, что на самом деле глаза у Андрея, как и его душа, совсем светлые, а характер – легкий и покладистый. Это удивительное втягивание Вероники в глубину своей Вселенной длилось вечность. Андрей словно замер на пороге и не произносил ни слова.

Вероника не считала себя сногшибательной красавицей,

да и не была ею, поэтому такой взгляд не просто смутил её, а буквально пригвоздил к тёмному углу. Даже все наблюдавшие за этой сценой подростки притихли. Наконец, он сделал несколько шагов в сторону Вероники, нежно взял её руку, слегка прикоснулся к ней губами и, глядя прямо в глаза, сказал:

– Наконец-то мы встретились! Я ждал этой встречи всю жизнь! Ты выйдешь за меня замуж?

Казалось, и так гробовая тишина стала просто звенящей. Все – таки здесь собрались почти что дети, и разговоров на такую серьезную тему, как женитьба, тут еще ни разу никто из них не заводил. Это скорее воспринято было как шутка, но тот напор и та страсть, с которыми Андрей произнес эти слова, и вся сцена в целом на шутку не смахивала. Это было так ново и незнакомо в их почти детской компании, что вызвало шок.

Восхищение его смелостью и напором, смущение оттого, что все наблюдали за этой сценой, и возмущение наглостью его поступка – всё смешалось в голове Вероники, и от этой каши единственное, что она смогла выдавить из себя, был глупый вопрос:

– Ты что? Кто нам разрешит?

Если учитывать, что оба тогда едва окончили школу, не имели ни профессии, ни собственного заработка и полностью зависели от родителей – вопрос был не таким уж и глупым, но прозвучал очень уж практично в такой романтиче-

ский момент, и это разрядило атмосферу, все рассмеялись – и знакомство состоялось. В такой большой и дружной подростковой компании влюблённые пары возникали то и дело, и все привычно дружелюбно наблюдали за рождением ещё одной. Андрей был душой компании, и выбранная им возлюбленная автоматически становилась для всех своей.

В тишине кто-то охнул, раздался легкий смешок, кто-то даже присвистнул – и все рассмеялись, праздничная «шутка» именинника всем понравилась, и только Вероника с Андреем знали, что он не шутил.

Когда все шумно усаживались за стол, Андрей усадил Веронику рядом, чтобы не отпускать её руку, был услужлив и внимателен, и, хотя, все ребята и взрослые поднимали бокалы в его честь, сам он не притронулся к вину. Кстати, вино было домашнего изготовления. Большим мастером виноделия был дед Андрея, свои знания и опыт в этом деле он старался передать внуку.

Это умение через много лет в трудные девяностые спасёт семью Андрея от нищеты. А пока беспечная и весёлая компания угощалась традиционными в семье Чумаковых – Суходольских голубцами, пила дедово виноградное вино и танцевала под самую популярную песню.

– Эта песня про нас, – сказал тихо на ушко Веронике Андрей, – мне, наконец-то, повезло, и твой поезд сегодня не ушёл от меня.

– Ещё не вечер, всё ещё может случиться, посмотрим

на твоё поведение, – кокетливо отвечала Вероника.

Ей было легко кокетничать и принимать восхищенные знаки внимания от Андрея – это ни к чему ее не обязывало. Еще не затронутое им сердце было спокойно, она как будто плыла на облаке его обожания, не воспринимая всерьез ни его слова, ни его ухаживания, а лишь наслаждаясь этой обволакивающей нежностью.

От гостей не укрылось то, что парочка перешёптывается за столом, и все с интересом наблюдали за развитием отношений. Весь вечер Андрей не отходил от Вероники, старался ежесекундно хотя бы слегка прикоснуться к ней, в беседе низко склонял голову к её лицу, а это было не так просто при разнице в росте почти полметра. Невысокая Вероника казалась Дюймовочкой рядом с очень высоким Андреем. Его внимание и забота на виду у друзей и, может быть, именно поэтому, очень льстили девушке, но мысли её были не здесь.

* * *

В своей школе в райцентре Вероника была активисткой: работала в комитете комсомола, пела в вокально-инструментальном ансамбле и даже побеждала в областном конкурсе вокалистов. Концерты, походы, комсомольские собрания и школьные вечера закончились вместе с выпускным балом, а тут ещё мама опустила с небес на землю, когда Вероника заговорила о желании поступить в Московский музыкальный институт, чтобы заменить на сцене знаменитую артист-

ку оперетты Татьяну Шмыга, сказав:

– Не выдумывай, поступай в педагогический, как я.

Вероника неохотно готовилась к поступлению в Университет – и, как результат, не поступила. Вот события, вследствие которых она оказалась в должности старшей пионервожатой в маленькой школе совхоза в двадцати километрах от родного райцентра, где, как почти столичная жительница, имела определённый успех у местной молодёжи.

Она, конечно, пела на сцене совхозного клуба, участвовала во всех вечеринках – и слухи о весёлой и общительной девчонке заочно пробудили к ней интерес Андрея. Вероника же вовсе не была заинтересована в их встрече, ведь она уже была влюблена. Абсолютно не зная работу вожатой, она мало интересовалась работой как таковой, но зато очень сдружилась с десятым классом, в котором училась Аня и тот парень, к которому Вероника не смогла остаться равнодушной. Разумеется, не очень этично педагогу встречаться с учеником своей школы, но разве когда-нибудь об этом беспокоились влюблённые? Женька был красавчиком: высокий, плечистый, с выгнутыми дугой бровями над огромными, в пушистых ресницах, голубыми глазами. С появлением в школе Вероники он не отходил от нее, пристально следил своими глазами из любого угла, дрался со всеми, кого подозревал в симпатии к предмету своей страсти. Устоять было невозможно, и Вероника, только что покинутая своим любимым другом детства, в эту новую любовь кинулась «как в омут го-

ловой». Она ни о чем не думала, ничего не боялась и не хотела замечать то обстоятельство, что Женька был из неблагополучной семьи, что вечно пьяная его мать на чем свет стоит поносит имя Вероники по всему поселку, что в школе на нее косится очень невзлюбившая ее стареющая завуч Ольга Ивановна (и было ведь за что невзлюбить: эта «вертихвостка» из района носила слишком короткие юбки, красила губы и подводила глаза, соблазняла старшеклассников и не собиралась ходить «по струнке» по первому слову завуча!).

Веронику все эти мнения не волновали: она влюбилась и собиралась стать счастливой в ту золотую осень. Целые ворохи шелестящих под ногами разноцветных листьев никто не убирал, и все прохожие плавали в золотисто-багряном океане, вызывая своим движением шумливые волны. Созерцательные, романтические настроения вызывали в душах людей даже обычные прозаические выходы «в булочную», что уж говорить о настоящем свидании в самое романтическое место в совхозе – в так называемую Дубровку.

Дубровкой молодежь совхоза называла единственный в окружающей степи симпатичный лесок, облюбованный парочками для уединения. Трудно представить, сколько любовных сцен видели деревца и полянки заветной рощицы! Конечно, Женька пригласил Веронику в один из солнечных теплых деньков прогуляться в Дубровку. Рискнув остаться без маминых котлет (так как это была суббота), Вероника

под выдуманным предлогом не поехала домой.

После уроков Женька зашел за Вероникой в пионерскую комнату, и они отправились, как бы сейчас сказали, на пикник. Правда, они ничего не захватили с собой: еды у них не было, а подстилку для сидения на земле взять не догадались. Вероника никогда до этого ни с кем из молодых людей вдвоем не гуляла в лесу, она не видела в этом ничего особенного и делать там ничего запретного не собиралась. Они болтали о пустяках, рассказывали друг другу о себе, и только редкие прикосновения, когда Женька помогал преодолевать препятствия, вызывали едва угадываемую дрожь в груди и теплую волну где-то около сердца. Это было легко и приятно; радостное, ликующее чувство возникало в душе у Вероники, и ей казалось, что и Женька чувствует то же самое.

Немного устав от долгой дороги, парочка уселась на ветках сухих листьев под толстым кленом на берегу прозрачной речушки. Женька сел спиной к стволу, а Вероника устроилась немного впереди него, прижавшись спиной и затылком к груди любимого. Он обхватил ее за плечи, и они сидели так, ощущая нарастающую нежность, но ни один из них не решился идти дальше этой тихой нежности. Они слушали голоса леса, наблюдали за прыгающей по камешкам водой, следили за парирующими огромными резными листьями клена на фоне ослепительно-синего неба и совсем не заметили проходившего неподалеку мужчину.

Пока они неторопливо возвращались в совхоз, там уже разыгрывалась целая драма: случайный прохожий оказался дружком Женькиной матери, и его красочный рассказ о якобы увиденной им сцене любви в лесу разжег в пьяном мозгу итак уже обозленной женщины мстительный пожар. Появившегося на пороге сына она встретила шваброй и такими матами, что и взрослого мужика отрезвили бы от любовного опьянения сразу и навсегда. Скандал был на весь поселок, и с тех пор встречаться парочке на людях стало совсем невозможно. Встречи совсем прекратились, Вероника страдала, заглядывала издали на переменах в глаза любимому, искала ответы, но после уроков он незаметно исчезал из школы и даже не пытался поговорить. Вероника, конечно, оправдывала парня, решив, что он боится новых скандалов, не хочет ее подставлять, и успокаивала себя, что надо просто потерпеть какое-то время.

Но к ее ужасу вскоре раскрылась истинная причина интереса к ней совхозного «мачо» из десятого класса – он просто поспорил с друзьями, что эта «столичная штучка» влюбится в него.

Такая правда больно ранила Веронику, но ещё больше распалила её чувство к нему. Она не спала ночами, писала стихи, заглядывала в тёмную воду и горько сетовала на судьбу. До других поклонников ей не было никакого дела. Чтобы вытащить её из такого бездонного омута, должно было случиться что-то экстраординарное. И вот:

– Ты выйдешь за меня замуж?

В этот вечер Андрей, хотя и был в центре внимания как именинник, ни на секунду не отпустил руку Вероники. Его тяготило внимание друзей; была бы его воля, он бы всех бросил за праздничным столом и увёл Веронику на край света. А пока он мог только танцевать с ней в полутёмной толчее комнаты, замирая от счастья, потому что в танце мог своими большими руками нежно прижимать к себе своё маленькое сокровище, так внезапно появившееся на его дне рождения в качестве подарка.

Было совсем поздно, когда гости, наконец, разошлись, и Андрей предвкушал, как они вдвоём пойдут по тёмным улицам к дому, где жила на квартире Вероника. На улице было бело и совсем не холодно, с чёрного неба медленно опускались крупные хлопья снега. Их было так много, и движение их в воздухе было таким хаотичным, что Вероника и Андрей будто летели в невесомости в каком-то невероятном танце в бесконечной черноте космоса среди звёзд и планет. Зрелище было таким завораживающим, а ощущения такими яркими, что в душе Вероники вдруг что-то сдвинулось, как будто выключатель внутри неё внезапно щёлкнул – и та боль от неразделённой любви, которая столько месяцев мучила её, как-то сразу исчезла, растаяла, как снежинки на щеках и ресницах повернутого к ней лица Андрея. Она сама удивилась лёгкости, с которой это малознакомое ей лицо вмиг

стало близким. Этот снегопад она будет помнить всю жизнь.

Она, никогда не любившая зиму, будет выходить из дома в тихие зимние вечера под летящий из черноты снег и бродить по улицам, вновь и вновь переживая тот удивительный полёт сквозь Вселенную.

* * *

– Ты выйдешь за меня замуж? – снова настойчиво спросил Андрей, едва они вышли на улицу.

– Конечно, нет! Кто нам разрешит? Нам рано! Где жить? На какие деньги? – целый шквал вопросов и ответов обрушился на Андрея.

– Ну что ты! Мы же уже взрослые, совершеннолетние. Я буду работать, построю дом. Правда, весной мне идти в армию, но ты ведь будешь меня ждать?

Её возмущению не было предела:

– Да с чего ты взял, что я вообще буду с тобой? Я люблю другого! Ты мне зачем?

– Я слышал об этом, но ведь вы не вместе. Я добьюсь твоей любви! А пока ты просто будь со мной, не отказывайся от меня! Ты увидишь, мы будем счастливы!

Ну что на это могла ответить девчонка, которую только что предали, и она считала, что никто её не любит, и счастья нет? Ответ прозвучал после долгой-долгой паузы:

– Я буду с тобой встречаться, но ничего не обещаю... – Тихо сказала Вероника.

Они долго бродили по безлюдным улицам. Целовались, долго стояли, прижавшись друг к другу, а потом Андрей поднял её на руки, закужил и понёс к калитке.

Веронику до этого никто никогда не носил на руках (да и после её многочисленные мужчины не делали этого!), и это чувство защищённости и полёта ещё больше убедили её в том, что она не должна отталкивать Андрея.

«Я его не люблю – думала Вероника, – но как замечательно быть любимой, ловить на себе восхищённый взгляд, слушать влюблённый шёпот, внимать его мечтам и планам, связанным со мной, чувствовать бережные и нежные прикосновения! Он мне не противен, даже наоборот, приятен. Его любовь делает меня частью его дружной семьи (чего у Вероники никогда не было: в её семье родители вечно ссорились и даже дрались, и каждый жил сам по себе), с ним я буду всегда в центре его замечательной компании – так почему бы и нет? Я ни за что не откажусь от этого! К тому же, говорят, клин клином вышибают, так что любовь Андрея поможет мне забыть того несостоявшегося возлюбленного, чей поступок так ранил моё самолюбие. Решено! Я буду с Андреем!»

Эти практичные мысли были так не свойственны романтической и влюбчивой Веронике, что очень удивили её саму. Но она решила, что они появились в её голове для оправдания внезапной перемены её чувств! Она-то думала, что та

несчастливая любовь навеки – и вдруг её не стало! Веронике нравилось её новое состояние, её новый статус в совхозе. Андрей имел явные преимущества, как внешние, так и внутренние, перед её бывшей любовью.

Этот внезапный переворот в судьбе, сама вечеринка и шквал эмоций, вызванный поведением Андрея, так её утомили, что она моментально заснула на своей раскладушке и проспала почти всё воскресенье, конечно, и не подумав съездить к себе домой.

Каково же было её удивление, когда вечером Андрей появился у её калитки. Это означало, что из-за неё, впервые решив пропустить занятия, он не уехал во Владикавказ. И снова была долгая прогулка: на этот раз – по Аллее Любви. Так называлась дорога в совхозе, обсаженная пирамидальными тополями, которые были просто исполинских размеров, и казалось, подпирали звёздное небо, стремясь ввысь острыми башнями. А сама дорога была узкой, шла по пустырям и ночью была абсолютно безлюдной, не считая влюблённых парочек, облюбовавших её для романтических прогулок. Здесь царила какая-то особенная энергетика. Аллея Любви как будто соединяла влюблённых в одно целое, во что-то необъяснимо значительное. В тот второй вечер они много разговаривали, болтали обо всём на свете – всё им казалось интересным. Просто знакомились, пробовали на вкус дыхание друг друга, робкими шажками продвигались по ощущениям, смотрели, не сводя глаз, привыкая

к очертаниям лица, ещё такого незнакомого, но почему-то уже близкого и родного.

Обычно в субботу сразу после работы Вероника уезжала домой на выходной, и тогда Андрей приезжал к ней. В воскресенье вся семья Вероники крутилась дома, и, хотя у Вероники была своя комната, но остаться наедине парочке почти не удавалось: двери плотно не закроешь, в общей комнате по – соседству мама и брат толклись весь день, а на улице все еще было холодно.

Однажды в пятницу около 10 часов вечера, когда в доме, где на квартире жила Вероника, все укладывались спать, и Вероника уже была в ночной рубашке, в окошко тихонько постучали. Выглянув, Вероника с удивлением увидела Андрея (он еще ни разу не появлялся в пятницу – ведь в субботу был учебный день!) и, накинув пальто на ночную рубашку, как была- босиком – сунула ноги в сапоги. Она так обрадовалась неожиданному приезду Андрея, что о холоде совсем не подумала. Андрей сразу подхватил любимую на руки и, усевшись на скамейку, прижал к себе. Его прохладные руки заползли в горячий ворох одежды и стали ласково поглаживать шелковистую кожу девушки. Вероника страшно боялась щекотки, но, к ее удивлению, ей не было щекотно, даже наоборот – очень приятно. Когда же осмелевшие пальчики пробежали по бедру, неимоверной силы электрический раз-

ряд пронесся снизу вверх к голове – и это было так приятно!

В тот же миг на вдруг вспомнила свои самые первые ощущения от прикосновения мужских рук. Год назад она встречалась с одним из друзей их «великолепной семерки» – неразлучной компании со школьных лет. Мальчик был на год моложе и хорош собой! Влюбленной себя Вероника не считала, но очень дорожила этими отношениями, к тому же была весна, хотелось любви, прогулок под луной и поцелуев – и это все кружило голову. Они тогда все в своей компании перевлюблялись и перевстречались. И вот как-то вечером на каком-то крылечке припозднившаяся беседа привела их к поцелуям и невинным ласкам. И вдруг Вероника почувствовала, как рука паренька медленно поползла, отодвигая юбку у пояса, по ее бедру. В тот же миг горячая волна, неожиданно мощная и приятная, охватила низ живота и бедра – и мир поплыл куда-то из-под ног, а рука мальчика с какой-то маниакальной настойчивостью уже пробиралась совсем вниз – и никогда неиспытанное блаженство ослабило ноги и закружило голову девчонки. Наверное, если бы он пошел дальше, ничто не остановило бы эту обезумевшую парочку, уже плохо соображавшую, где они и что делают. но вдруг паренек оттолкнул Веронику почти грубо: – Прости меня, пожалуйста, прости! Я – идиот, я – сволочь! Как я мог!

Растерянная и ничего не понимающая от еще не прошедшего дурмана Вероника решила, что чем-то обидела пар-

нишку.

– Что ты? Что случилось?

Тут до него дошло, что она вовсе не обижена.

– Пойдем, – снова почти грубо заговорил он сквозь зубы, голос был напряжен до предела, – я провожу тебя домой.

От него веяло холодом. Ничего не понимающая Вероника плелась за быстро идущим впереди другом и не могла взять в толк, на что он так обиделся. Возле ее дома он стал напротив и ледяным голосом произнес:

– Ты должна была меня остановить! Я голову потерял, но ты же девушка – ты должна была!.. Знаешь, мне такая девушка не нужна!

Вероника не могла поверить своим ушам. В чем ее вина, ведь ничего не было, чего он испугался?

Когда через много лет они встретились и с удовольствием предавались любви, вспомнив прежнюю привязанность, они долго хохотали над своей давней испуганной чистотой и даже сожалели о пропущенной возможности.

А в тот злополучный вечер он молча, не оглядываясь, уходил в темноту, а у Вероники подкосились ноги и, упав на колени, она согнулась пополам к самой земле и долго горько рыдала и от потери, и от стыда, и от сожаления, что тот сказочный миг блаженства на чужом крылечке так неожиданно и безвозвратно оборвался!

Вскоре Вероника услышала о том, что ее потерянный дружок встречается с другой девочкой, которая, кстати, броси-

ла его через некоторое время прямо перед свадьбой! А сама Вероника, не поступив в Университет, оказалась в маленькой школе совхоза.

И вот снова это чудесное ощущение она испытала теперь, когда Андрей настойчиво, но ласково прокладывал своими уже согревшимися пальчиками тропинки во все потаенные места горячего тела Вероники, и все клеточки этого еще ничего не испытывавшего тела раскрывались навстречу его ласкам.

Ей казалось, что еще немного – и сердце не выдержит этой невыносимой сладкой муки. Не ведая еще, чем может закончиться эта мука, Вероника понимала, что, несмотря на кажущуюся вершину блаженства, – это еще не вершина, но идти дальше нельзя, она точно это знала! Сквозь пелену дурмана она все же умудрялась удерживать Андрея от последнего шага.

Рассвет забрезжил неожиданно быстро; как пролетела эта безумная ночь – оба влюбленные не заметили. Ноги у Вероники замерзли, и Андрей отогревал их своим дыханием, держал ступни в своих больших ладонях, только бы любимая не уходила. Но уходить было пора: могли проснуться хозяева квартиры, могли выйти на работу соседи и поэтому Вероника, засунув ноги в нахолодавшие сапоги, убежала в дом.

С той ночи влюбленные все свои уединенные минутки предавались очень смелым ласкам, иногда им даже везло остаться на целую ночь в доме тети Полины (диван, сохра-

нивший в памяти их любовные игры, Вероника впоследствии много лет, приезжая в совхоз, всегда гладила по старой обивке и приветствовала как доброго друга). Эти волшебные ощущения Вероника всю свою жизнь искала в отношениях со своими мужчинами, но, к ее удивлению, мало кто из мужчин способен был давать такие ощущения: большинство думало только о своем удовольствии. Если бы в свои 18 лет Вероника знала об этом!

Всю весну Андрей и Вероника встречались по выходным, эти встречи были все горячее и горячее, но влюбленные никогда не переступали запретную черту. Вероника хорошо помнила слова своей мамы:

– Принесешь в подоле – будешь жить на улице!

Андрей же не забывал о скорой разлуке на два года, он по-прежнему уговаривал Веронику выйти за него замуж.

– Если этого не случится, ты не дождёшься меня из армии, – высказывал свои опасения Андрей.

– Ну, пойми, если я встречу кого-нибудь за это время, меня вряд ли остановит то, что я замужем или уже не девушка. Как ты не понимаешь – наша предстоящая разлука во все не повод так спешить, – всё пыталась его убедить Вероника, – я и так буду ждать тебя. Твоя семья и твои друзья не дадут мне забыть о тебе!

Но Андрею от этих её слов не становилось спокойнее, ка-

кое-то шестое чувство рисовало ему будущее, которое повергало его в беспросветную депрессию. Чем ближе был май, тем настойчивее он уговаривал Веронику:

– Давай сыграем свадьбу прямо на проводах в армию. Всё равно соберётся вся родня и друзья. Прошу тебя, соглашайся!

– Ну, миленький, ну, родной, ну как мне тебя убедить? Мои родители не согласятся, да и два года – такой огромный срок! Вдруг ты там встретишь еще большую свою любовь, а я тут тебя жду, да ещё вдруг с ребёнком. Ну что с нами будет? Если мы любим друг друга, то оба дождёмся встречи!

Сколько раз потом Вероника думала об этом своём жестком отказе и сожалела, что сделала это. При её вечной трусости перед кардинальными переменами в своей жизни, если бы они действительно поженились, и появился бы ребёнок – тогда она наверняка бы дождалась Андрея, и жизнь сложилась бы иначе, возможно более счастливо и удачно.

Но у жизни нет сослагательного наклонения, и Вероника, убеждённая в своей правоте, так и не решилась на то, что сейчас бы назвали «заняться любовью».

Когда Вероника в конце зимы уволилась из школы и вернулась домой, чтобы было время готовиться к вступительным экзаменам в университет, влюблённые стали чаще встречаться дома у Вероники, так как мама уже не отпускала её в совхоз. И, хотя квартира была большая, а у Вероники была своя, самая дальняя комната, их разговоры могла слы-

шать вся семья, ведь они встречались по выходным. А разговор часто сводился к самостоятельной жизни. Андрей рассуждал так:

– Мы с тобой уже взрослые и можем жить самостоятельно, давай поженимся. Если не разрешат – сделаем это тайком – мы же совершеннолетние, уедем в большой город. А ещё лучше, если ты поедешь туда, где я буду служить. Решайся!

Конечно, Вероника по-прежнему возражала, но обсуждала с ним эти его планы (они ей, в общем-то, нравились, просто пугали своей новизной). Но в планы мамы вовсе не входило отпускать Веронику из дому неизвестно куда.

– Знаешь, – говорила она, когда Андрей уезжал, – мне не нравятся его мечтания, не серьёзно это! Тебе учиться надо, профессию получить, повзрослеть. Он в армию идёт – вот пусть отслужит, тогда и планировать будете!

В общем, маме Андрей не нравился, она встречала его не очень приветливо, и он в ответ тоже «бычился», здоровался с высоты своего роста без улыбки, и маме, очень маленькой ростом, он казался каким-то огромным неласковым монстром, возмечтавшим навсегда увести её дочь из дома. Она, много повидавшая на свете, но ни в своём детстве, ни в своей семейной жизни семьи как таковой не имевшая, не сумела в этом мальчишке разглядеть то, за что должна была уцепиться любая мудрая мама. Вместе с Андреем Вероника получила бы огромную, дружную, любящую семью. Куда же ещё отдавать свою дочь, как ни в такие руки! Если Ве-

ронику, несмотря на её юность и неопытность, интуитивно тянул в эту семью инстинкт самосохранения, то мама, ухватившись за внешние, неприятные ей черты Андрея, проглядела лучшую долю для дочери. Она приложила все усилия, чтобы повлиять на их отношения, вернее, она просто полностью игнорировала эти отношения, тем самым давая понять, что не видит их продолжения и развития.

* * *

И пришла весна. Все влюблённые мира ждут весны и любят это пробуждение и рассвет всего живого на земле. Но для Андрея и Вероники лучше бы зима не кончалась. Казалось, до мая ещё далеко, а он вот уже на пороге.

В безудержной страсти Андрея уже не сомневался никто из окружающих: он просто не жил, когда рядом не кружилось, не хохотало или тихонько не жалось к нему его драгоценное сокровище. Друзья звали на рыбалку и охоту, родители напрасно ждали домой на выходной – он оживлялся, шутил и пел под гитару только рядом с Вероникой. До него по-настоящему дошло, что разлука близко, что уже почти не осталось времени для них двоих. Вероника же, хотя и сильно привязалась к Андрею за эти сумасшедшие месяцы, страсти не испытывала, но и терять такое обожание, такие приятные ощущения и статус почти замужней женщины, почти члена семьи не хотела и даже боялась. Конечно, в эти дни она была уверена, что дождется Андрея, и все у них

будет хорошо, но она до ужаса боялась на бесконечно долгие два года оставаться одной. «Это самые лучшие годы моей жизни! Все девчонки будут ходить с любимыми на танцы и в кино, целоваться и гулять под луной, а я?»

Почему-то Веронике редко или почти никогда не приходили мысли о том, что для Андрея призыв в армию сейчас был просто катастрофой: рушились все его планы, менялся весь образ жизни, впервые предстояло расставание с родными, друзьями, родным домом, а главное, он терял свою любовь – он был почти уверен в этом. Нет, Вероника очень жалела себя, ей ни разу в голову почему – то не пришла мысль: «А как же Андрей?», это она не готова была к разлуке, это у нее наступали «черные» дни... После двух неверных своих возлюбленных она только-только обрела настоящую, верную, преданную любовь – и должна теперь ее потерять? Ну, за что такая несправедливость?..

Шумно отгуляли проводы. Наутро после сумасшедшей ночи (естественно, так и не закончившейся близостью!), в которой смешались ласки и слёзы, Вероника поехала домой переодеться и отпроситься у родителей во Владикавказ, потому что в армию Андрея забирали оттуда, по месту учебы.

На следующее утро за ней заехала бортовая машина, где проводить Андрея в армию собралась вся их дружная семья. В кузове под брезентовым навесом под баян плясала тётя Полина и мать Андрея, сам Андрей сидел грустный и ожи-

вился только тогда, когда в кузов забралась Вероника. Он сразу приник к ней на деревянной скамейке в углу у борта и не выпускал её из объятий всю дорогу. Они не слышали песен и разговоров, что-то нежно и страстно шептали друг другу и плакали, и, конечно, без конца целовались, как будто хотели нацеловаться вдоволь на долгие два года: до боли, до синяков, так, чтобы запомнилось.

К вечеру призывникам дали попрощаться с родными. Андрей вышел из ворот лысый, какой-то похудевший, и все по очереди обнимали его на прощание и отходили. Вероника подошла к нему последней, и в тот же миг они остались одни во всём мире, всё куда-то исчезло, остались только любимые глаза полные слёз и тоски от неминуемой разлуки.

Призыв «По автобусам!» вернул мир на место. А в этом мире мальчиков отрывали от родных и увозили в абсолютную неизвестность. Андрей, обнимая одной рукой мать, другой прижимая к себе Веронику, поплёлся к автобусу. Отозвав руки матери и Вероники от пиджака он, как сомнамбула, поднялся по ступенькам, и теперь тоскливо смотрел на них из окна. Как будто невидимые раскаленные нити протянулись из его глаз в глаза Вероники, глазам было больно, и неудержимые слёзы, такие же горячие, как эти нити, лились и лились по щекам Вероники. Вдруг автобус тронулся. Она побежала следом, уже в голос рыдая, не замечая никого вокруг.

– Ну что ты ревёшь, как будто хоронишь его! – крикнул

ей кто-то из родных.

А она всё бежала за автобусом. «Это конец... Это конец... Это конец...» – стучало у неё в голове.

Всю дорогу домой она проплакала, обессиленная вышла около своего дома, и, закрывшись в комнате, уснула в слезах.

В первые дни, когда Андрей был ещё в пути, и неизвестно было, где он будет служить, Вероника ежедневно писала ему письма и складывала их в свой столик, чтобы отправить позднее. Когда Андрей сообщил, где он будет проходить службу, Вероника была в шоке: он попал в воздушно-десантные войска под Ташкентом – и это было всё равно, что на другую планету. Вероника с седьмого класса писала стихи. Они всегда рождались в её голове по ночам, когда её очередная влюблённость оказывалась безответной. Стихи, посвящённые Андрею, всё не приходили. Ни одной строчки! И вот однажды, в один из первых дней разлуки, она потянулась к листку – и строчки, похожие на плач, полились на бумагу сами:

За туманными долинами,
За дорогами предлинными,
За горами за высокими,
За морями за глубокими,
Где похожи зимы с веснами,
Где цветы цветут и осенью.
И тебя в тот край далёкий
Увезли, мой синеокий.

Мне не надо ширь просторную,
Стать бы только птицей вольною,
Полететь на солнце ясное
В даль чудесную, прекрасную.
Отыскать там друга милого,
Увезти добром иль силою,
Вновь услышать сердце буйное
Ночью жаркою и лунною...
Только сказки не сбываются,
Сны с рассветом обрываются.
И туманными долинами,
И дорогами предлинными
Снова въёт верстой тягучею,
Путь к тебе, судьба – разлучница...
С этого момента на долгие, долгие месяцы их будут свя-
зывать только письма.

Вероника по-прежнему писала Андрею каждый день, он отвечал, но не так часто, как ей хотелось. Понятно, что возможности отвечать у него было гораздо меньше, чем у неё, но эта мысль не успокаивала девушку, мерещились беды одна страшнее другой: то он встретил другую в увольнении, то разбился во время прыжка с парашютом, то просто стал забывать её. Этот последний страх становился навязчивой идеей. Она уже не могла отказаться от такой горячей и преданной любви Андрея, в которой нежилась она все последние месяцы.

Наступала новая весна, приближался отпуск, и Вероника стала строить планы поездки в Ташкент. То она собиралась плыть морем на пароме, то ехать поездом вокруг Каспия, узнавала стоимость проезда и рисовала яркие картины встречи с Андреем. И, конечно, твёрдо для себя решила исполнить то, в чём отказала ему до его отъезда на службу. Она решила стать его женой, и даже перспектива появления ребёнка теперь уже казалась ей желанной и не такой страшной, ведь вместе с ней такому повороту судьбы обрадовалась бы вся его семья – это Вероника теперь знала наверняка!

* * *

В один из последних майских вечеров Вероника с подружкой Мариной вышли из кино и стали прощаться на площадке перед кинотеатром, так как идти домой нужно было в разные стороны. Они заметили двух солдат, вышедших после них из кинотеатра. В райцентре стояла воинская часть, но погоны у местных солдат были голубыми, эти же носили чёрные погоны связистов, и поэтому девчонки оглянулись на них более внимательно. Это было воспринято парнями как призыв к действию, они подошли поближе и предложили проводить. Марина жила рядом, а Веронике идти было довольно далеко, как раз в сторону воинской части, и она согласилась.

У неё весь тот год было весьма трепетное отношение к военнослужащим срочной службы: она ждала из армии жениха и младшего брата, служившего в Венгрии, а ее мама вообще в последние полгода завлекала в дом чуть ли не всех прохо-

дивших мимо солдатиков и старалась их накормить.

– Может, там, в Венгрии, какая-нибудь женщина накормит моего сыночка, – рассуждала она, убеждённая, что ни одно доброе дело не остаётся безответным.

Свист под окном на следующий вечер очень удивил её (давно под их окнами никто не свистел: всех кавалеров Вероника год как отвадила).

– Что это за соловей тут объявился? – выйдя на балкон, крикнула мама и увидела внизу бесконечно обаятельного высокого и тонкого солдата с чёрными погонами на выцветшей полевой солдатской форме.

– А я к Веронике. Она дома?

– Ну, заходи, коль пришёл, как раз на ужин успел, – позвала мама нежданного гостя.

Вероника пришла домой спустя полчаса и застала, к своему удивлению, почти идиллическую, но уже знакомую картину. Только на месте обычно незнакомых солдат за столом сидел и смущённо улыбался её вчерашний провожатый Сергей.

– Ты как тут оказался? А где напарник?

– Да я объяснил ему, что должен идти один – он понял. К тому же пост надолго оставлять нельзя.

По доброму тону мамы, обращённому к Сергею, и по тёплой атмосфере в комнате Вероника поняла, что её новый знакомый маме понравился. Он действительно не мог не понравиться: высокий, с тонкими чертами лица, светлыми гла-

зами, розовой кожей, с едва заметными веснушками и мягким голосом, он напоминал бы принца из европейской средневековой сказки, если бы не грубая, пахнущая хозяйственным мылом, солдатская роба и сапоги.

На столе в кулёчке из тетрадного листка лежал целый ворох горных подснежников.

– Это тебе, – сказал Сергей, протягивая цветы Веронике, – большего пока не могу, но я исправлюсь. Они около нашего поста связи на горе растут.

Их пост связи относился к Грозненской воинской части связистов и, принимая двух солдат в командировку на несколько месяцев, обеспечивал связь, о которой не принято рассказывать. Вдвоём солдаты жили обособленно, их не очень часто контролировали, так как пост находился в 60км от Грозного, а продовольствие они получали внизу, в райцентре.

Поэтому, почти ежедневно, Сергей мог ненадолго забежать к Веронике. Мама поначалу время от времени напоминала Веронике, что она, вообще-то, ждёт из армии другого солдата, и, может быть, не стоит уделять внимание Сергею. Но Вероника отмахивалась:

– Мама, ну это же не серьёзно, мы просто болтаем, ему же, как и мне, нужно с кем-то общаться, ему нужны свободные уши, а я хорошо слушаю.

– Будешь продолжать, – пригрозила мама, – ни в какой Ташкент не поедешь!

В один из июньских вечеров, с сочувствием выслушивая рассказы Сергея о своем детстве, маме, бабушке, младшей сестренке и российской глубинке в Калужской области, Вероника поймала себя на мысли, что она уже не так сильно стремится ехать в Ташкент. Нет, она не передумала, и все еще желала встречи с Андреем. Всего несколько недель назад, специально для этой встречи, она написала еще одно стихотворение, посвященное своему солдату:

«Не печалься любимый,
Ведь два года – не вечность
Знаю, встретимся снова
Мы под нашей луной.
И забудутся годы
Нашей долгой разлуки,
И уже навсегда мы
Будем вместе с тобой!
И когда ты берешься
За кольцо парашюта,
Помни: взглядом тревожным
Я слежу за тобой!
И шагаю я рядом,
И под зноем палящим
Я тебе помогаю,
В сердце верность храня.
Только помни об этом —
И увидишь, любимый:

Станет служба полегче,
Если любишь меня,
В холод станет теплее,
В зной прохладнее станет,
Пережить будет легче
Сто обид и тревог
Не печалься, любимый,
Ведь два года – не вечность,
Знаю, встретимся снова
Средь знакомых дорог!

Только вот почему – то путь ей уже стал казаться непреодолимо трудным: надо было найти деньги на билеты, да и сами билеты она понятие не имела где доставать. И где там остановиться? В общем, почему – то все трудности, связанные с поездкой, выросли до неразрешимых проблем – и это определило все ее дальнейшие поступки. Ко всему добавились слишком затянувшиеся паузы между письмами, приходившими из Ташкента. Андрей не мог написать ей, что он в летних лагерях на учениях, и писать оттуда нельзя, а она не понимала причину его молчания и опять строила удобные для себя предположения: «Да он и не особенно любит меня, возможно, уже давно встречается там с какой – нибудь „ташкенточкой“, вот и пишет редко».

Если бы Андрей мог предположить, о чем думает Вероника, он бы сбежал из армии и приехал успокоить и остановить любимую, уберечь от ошибки.

А ее уже пора было останавливать. В июле родители с братом уехали на море, а Вероника должна была готовиться к экзаменам в Университет. В один из этих дней Сергей должен был уезжать домой в отпуск. Билет он не достал, и собрался сесть с разрешения проводника в вагон без билета. Поздно вечером Вероника провожала его на вокзале, но ни в одном вагоне проводники не согласились взять солдата «зайцем», и, чтобы не ночевать на вокзале до дневного поезда, парочка отправилась к Веронике домой, благо все родные были на море. Проходил день за днем, а Сергей уже не собирался в отпуск домой. Они с Вероникой играли в «семью». Вместе покупали продукты, готовили еду, убирали квартиру, гуляли, спали в одной постели (но, конечно, без близости). Беспечная Вероника не думала о том, какое впечатление на соседей их восьми квартирному дому производило ее совместное проживание в их квартире с посторонним молодым человеком. Она была почти счастлива. То, что отобрала армия, теперь у нее было! Замена одного солдата другим, конечно, несколько смущала ее (она ведь обещала ждать из армии своего Андрея!), но она так мало знала Андрея, и это было так давно, а перспектива была столь неясной, что ее почти не мучила совесть. Почти. Она пока не выбрала, кто из двух солдат дорог ей больше. Сергей был рядом, и, конечно, его обаяние действовало сильнее, чем огромная, страстная, восхищенная, но такая далекая любовь Андрея.

Внезапно среди дня приехавшая с моря родня заста-

ла на кухне чистящего картошку слегка раздетого Сергея. Взгляд мамы на Веронику трудно было описать: видно было, что она поражена до глубины души всем спектром поступка дочери. Но надо помнить, что Сергей, в отличие от Андрея, маме нравился.

– Ну, что ж, все ясно! Медовый месяц себе устроили? Я так понимаю: свадьба не за горами? – вот так сходу все решила мама.

Никакие доводы Вероники, что между ними ничего не было, пусть не думает – они вовсе не собираются жениться, маму не убедили. А тут еще соседи стали задавать неудобные вопросы, на которые мама, при своем положении работника райкома партии, могла отвечать только то, что они и хотели услышать:

– Конечно, скоро свадьба!

Ну что ж, свадьба так свадьба. Но тут перед Вероникой встал вопрос: как же быть с Андреем? Ведь она обещала его ждать! Он же ничего не подозревает. Надо написать письмо. И тут Вероника вспомнила, как Андрей рассказывал в одном из своих писем, что их служба связана с риском для жизни из-за парашютных прыжков, и даже были случаи самоубийства солдат после сообщений с родины о неверности любимых, и теперь командиры проверяют письма и не передают солдатам те, где сообщаются такие новости. Что же делать? Обманывать не хотелось, но и написать было страшно. И все же она решилась. Она написала полуправду: мол,

встречаюсь иногда с солдатом, ему так нужно с кем – то общаться, ему так одиноко вдали от дома – ну, ты же понимаешь?

Ни об отпуске вдвоем, ни о возможной свадьбе Вероника написать не решилась. Свою иногда просыпающуюся совесть она успокаивала просто:

– Ну, я же Андрея не очень- то любила, я ведь ему говорила об этом. Это он меня любит, а я ничего ему не должна, – так оправдывала сама себя Вероника. О том, что обещала дожидаться Андрея из армии и даже уже почти собралась за него замуж, Вероника предпочитала не вспоминать. Конечно, ее мучили сомнения: того ли из двоих выбрала в мужа, а вдруг, когда Андрей вернется, все чувства вернутся снова? Но тут же начинала фантазировать о том, что за год и сам Андрей, возможно, кого –нибудь встретит. Она будет его ждать, а он вернется с молодой женой, и как тогда она будет выглядеть? Впрочем, она всегда могла находить оправдания своим поступкам.

С Сергеем ей было легко и весело. Он восхищался ее внешностью, заглядывал ей в рот, ловил каждое слово, дарил цветы (где он их находил, не имея средств, одному ему известно!). Андрей ни разу за четыре месяца цветов ей не дарил! С Сергеем она могла не опасаться, что чего – то не знает, потому что была более образованна, более начитанна, т.е. стояла на ступеньку выше на той самой, невидимой в советское время, социальной лестнице – и это делало ее ко-

ролевой, почти богиней в его глазах. А какой девчонке это не польстит? И потом, не зря же говорят, что «ночная кукушка дневную всегда перекукует». Ласковые руки Сергея были здесь, а уже позабытая нежность Андрея осталась где – то в прошлом, да и сам он находился за тридевять земель и писал редко, а ей всего девятнадцать лет! Какой финал надо было ожидать? Отношения развивались с крейсерской скоростью, и все события вокруг этому только способствовали. Одна подруга за другой выходили или собирались замуж, в кругу общения Вероники все обсуждали эти темы и готовились к свадьбам. К тому же срок службы Сергея заканчивался в ноябре, и он должен был уехать к себе в Калужскую область. Решение даже почти не обсуждалось: все готовились к свадьбе. Это получалось как – то само собой.

Если бы хоть кто –нибудь твердо посоветовал Веронике не спешить со свадьбой, подождать всего полгода, хотя бы для того, чтобы поступить порядочно, ведь дала слово Андрею дожидаться его из армии. Дождись, а потом решай! Ну почему никто не напомнил ей об этом? Не встряхнул, не заставил задуматься. Анна, сестра Андрея и подруга Вероники по совхозу, узнав о ее новом увлечении, обиделась за брата и молча отошла в сторону: не приезжала, не разговаривала, только накануне свадьбы, уже в октябре, написала брату письмо, открыв ему страшную правду. Неизвестно, каких усилий стоило Андрею выпросить отпуск, но он добился его. Он так торопился успеть, несмотря ни на что остановить Ве-

ронику, посмотреть ей в глаза, чтобы увидеть или не увидеть в них себя!.. Не успел!

Свадьба Вероники и Сергея состоялась 5 ноября. Дом был полон родственников, сослуживцев родителей, соседей по дому. Из друзей Вероники были лишь четверо одноклассников. Анна на свадьбу лучшей подруги не приехала. Через пять дней молодые уезжали на родину Сергея, а за день до отъезда Веронике передали последние ее письма Андрею, все страницы и стихотворение были перечеркнуты крест-накрест с надписью «вранье». Как эти письма оказались здесь, хотя посылались в Ташкент, было для нее загадкой, которая очень омрачила радостное настроение молодой жены, предвкушающей счастливую семейную жизнь на новом месте, и посеяла первые сомнения в правильности совершенного шага.

Только спустя несколько лет, когда Анна уже смогла простить подругу за предательство брата и приехала в гости, Вероника от нее узнала, что Андрей опоздал всего на пару дней. Узнав, что свадьба уже состоялась, но молодые еще не уехали, он рвался изо всех сил к любимой, чтобы забрать ее, увезти на край света, спрятать от всех... Если бы он знал, каким поездом она уезжает, он бы за поездом побежал. Анна всеми правдами и неправдами удерживала брата, не отходила от него, опасаясь за его жизнь, утешала, как могла, — и у нее получилось. Никуда он не побежал. Несколько дней

пролежал, отвернувшись к стене на диване в дальней комнате, а потом друзьям удалось вытащить его из дома, и вся компания принялась кружить его по гостям, рыбалкам, охотам и вечеринкам. Он пользовался успехом у девчонок и, к удивлению близких, он — однолюб — начал менять их, как говорится, «как перчатки» Наверное, таким образом, он удовлетворял свое чувство мести за предательство любимой. А может, просто хотел заглушить боль. Этой боли, видно, было так много, что долгих четыре года по возвращении из армии он все продолжал свое победное шествие по сердцам девчонок. Чем больше людей его окружало, тем более одиноким он себя чувствовал и все старался удовлетворить свое ненасытное одиночество тем, что разбивал одно девичье сердце за другим. И не прощал...

Жизнь в Калужской области у молодых не складывалась. Нет, между собой они ладили, осваивались в новых отношениях и обязанностях. Надо сказать, что Вероника, смело отправившись за мужем в российскую глубинку, совсем не представляла ни жизни в средней полосе России, ни менталитета жителей этой глубинки.

Еще из окон поезда ранним ноябрьским утром она увидела пробегающие мимо бесконечные березовые леса. Частые белые стволы берез вдоль дороги и вдруг открывающиеся холмистые поля, покрытые снегом, небольшими кучками затерявшиеся в них бревенчатые невзрачные избы небольших

деревень, однообразный штaketник опять – таки деревянных поселков и бабы в телогрейках и сапогах – это картина невиданной ею раньше России наводила тоску на Веронику. Нет, не грели ей душу березки за окном.

В силу своего оптимистичного характера и не остывшей еще эйфории от самого факта замужества, Вероника, конечно, надеялась, что вот сейчас они выйдут на вокзале большого областного города – и все изменится, и начнется сказка новой жизни. Но жить – то им предстояло, хотя бы первое время, в рабочем поселке при камнедробильном заводе. Барак, где жили в одной комнате родители Сергея и предстояло на первых порах жить им, произвел удручающее впечатление на Веронику. Захламленный, ободранный и вонючий общий коридор привел их в небольшую, заваленную старой мебелью, пакетами и коробками кухню с керогазом, который коптил и вонял керосином. В комнате рваным, но чистым, постельным бельем была застелена железная двуспальная кровать родителей, а у другой стены – диван-кровать для молодых, посредине стоял стол и раскладушка двенадцатилетней сестры Сергея.

Мама Сергея почему – то обращалась к Веронике на Вы, задания по хозяйству передавала через младшую дочь, а ходовыми фразами у нее были: «А-бы что похлебать, что – нибудь постелить, что – либо на себя натянуть». Не слишком богатый гардеробчик Вероники вызвал у нее завистливый шок, правда, разговаривала она подчеркнуто привет-

ливо, но в еду постоянно клала огромное количество лука крупными кусками, хотя знала, что Вероника лук не ест с детства. Это обстоятельство, может, и не очень бы волновало Веронику, но, в отличие от родительского дома, в этом доме холодильник был пуст, и еда в доме была только та, что подавалась на стол. Денег у молодых не было, первая зарплата Сергея ожидалась через месяц, да и та вся была отдана впоследствии в общий котел. Вероника сидела на вынужденной диете, но Сергею жаловаться не хотела, а всех остальных это не волновало. Дома Вероника привыкла к самым лучшим продуктам. Мама хорошо готовила и, несмотря на свою партийную карьеру и занятость двадцать часов в сутки на работе, умудрялась заполнять холодильник и кастрюли хорошей едой. Когда она готовила, Вероника не видела: очевидно, по ночам, но на столе всегда были соусы, борщи, котлеты, пирожки и даже торты, а в холодильнике – сыр, колбаса и масло.

Представьте, каково ей было на картофельно – грибной диете, да и то в случае, если лук положить не успели. К чаю выдавали по конфете и булочке – и больше в доме было хоть шаром покати.

Не удивительно, что молодые то и дело пытались те денежные крохи, что оставались от подаренных на свадьбе, использовать для поездок в ближайшие города, стараясь устроиться получше.

Первая их поездка была в Тулу. Здесь впервые Вероника

увидела вблизи целые улицы бревенчатых темных изб. Заглядывая во дворы, удивилась грязи и хламу. Сады и цветочные палисадники ее родной станицы, яркие наличники окон, крашенные скамейки у ворот – какими сказочно яркими они теперь казались издалека, из этого коричнево – серого мира, в который она добровольно уехала строить свою жизнь. Наверное, рука Провидения и крылья Ангела – хранителя избавили ее от жизни на родине Сергея. Жилье найти им не удалось ни в Туле, ни в Калуге, и во всех кабинетах, где они искали работу, им отвечали: «У нас своих таких хоть пруд пруди!».

Никого из чиновников не заинтересовали слесарь – монтажник третьего разряда и пионервожатая со средним образованием.

Из того времени только два события сохранились в памяти Вероники на всю жизнь: одно приятное, другое – страшно пророческое. Приятным был первый опыт проживания в гостинице – в Калуге молодые прожили три дня в двухместном номере – и это можно было считать свадебным путешествием. Они были вдвоем, никто не сопел ночью рядом. Днем они гуляли по городу и наслаждались временной причастностью к большим зданиям, троллейбусам и проспектам, а так же обедам в кафе: почти все это было в их жизни впервые.

Страшное событие, потрясшее Веронику, хотя совсем не задело ее лично, случилось под Новый год. Они с Сергеем отправились на новогодний вечер в родную школу Сергея.

Посреди спортивного зала стояла огромная, в потолок, целая ель, украшенная с макушки до пола игрушками и огоньками. Под елкой лежала посеребренная вата в виде сугроба. Школьники толпами стояли и ждали начала. В этой суете кто—то бросил под елку зажженный бенгальский огонь. Вата вспыхнула сразу, и огонь столбом с гудением устремился по стволу и огромными лапами растекся по потолку. Это произошло так быстро, что никто не успел понять всего ужаса происходящего, и замороженная этим зрелищем, вся толпа продолжала стоять и бездействовать.

Только когда начали взрываться игрушки, все кинулись к выходу. Кто-то нес ведро с водой и огнетушители, но Вероника с Сергеем уже выскочили из зала и потрясенные ушли из школы, убедившись, что пожар потушен, и никто не пострадал. Эта сцена напомнила Веронике, как в последний Новый год ее вожатства ее Дед Мороз, десятиклассник, поджег свою ватную бороду в курилке, и спасти его от ожогов смогли только быстрые общие усилия друзей и мокрые халаты техничек в соседней подсобке. Вероника еще не раз в своей жизни вспомнит эти случаи и не раз будет задаваться вопросом: «Почему мы не умеем читать предупреждения Судьбы и Знаки? Скольких бед мы могли бы избежать, если бы научились этому!».

Жизнь в семье Сергея и невозможность устроиться самостоятельно в одном из городов Подмосковья толкнули моло-

дых на очень решительный и, как впоследствии оказалось, не очень успешный поступок: в своих поисках новой доли они наткнулись на объявление о наборе строителей Домбайского горнолыжного комплекса в Ставропольском крае. «Боже мой, – обрадовалась про себя Вероника, – это мой Кавказ! Хватит с меня средней полосы России – хочу поближе к дому!» «У нее хватило аргументов убедить в своем намерении Сергея, и, спустя неделю с 15-ю рублями «подъемных» в кошельке они уже ехали в плацкартном вагоне поезда назад – на Кавказ. «Березовая» эпопея новоиспеченной семьи, слава Богу, закончилась.

Билеты им достались в разных вагонах, так как поначалу в Домбай мог ехать только Сергей, а Вероника на неделю отправлялась навестить родителей, пока Сергей не договорится о ее приезде к нему на стройку и не решит квартирный вопрос. Через сутки им предстояла первая разлука, а тут еще и в поезде – врозь! Конечно, они до ночи сидели на полке у Сергея, не в силах оторваться друг от друга. Пассажиры в купе сочувствовали молодоженам, но никто меняться на другой вагон не собирался, а обозленная на весь мир проводница раскричалась в ответ на их просьбу помочь:

– Медовый месяц дома устраивайте, а здесь займите места согласно купленным билетам!

Сергей смиренно пошел провожать Веронику в ее вагон (он никогда и в последствии не умел отстаивать права или решать проблемы любым доступным способом, жаль, Веро-

ника научилась видеть это гораздо позже!)

Наутро парочка снова сидела рядышком, чувствуя на себе недовольные взгляды спящей по вагону проводницы. После завтрака Вероника уже не отрывалась от окна: мимо проплывали такие родные спутанные заросшие леса – не похожие на светлые березовые рощи Подмосковья, но таким теплом веяло от них на изголодавшуюся по родине душу Вероники, что отвлечь ее не могли ни беседа соседей по вагону, ни прижавшийся к ней муж. « Я снова дома! Я снова дома! Я снова дома!» – стучали колеса в такт ее радостным мыслям.

Расстались молодые в Минводах, оттуда Сергей автобусом отправился в Домбай, а Вероника тем же поездом продолжила дорогу домой. Мама встретила ее возгласом:

– Боже мой, я тебя замуж отдала или на тот свет?

Веронику шокировали слова матери:

– Ну что ты такое говоришь? У меня все нормально, что тебя поразило?

– Да ты как с креста снятая! Тебя что там – не кормили? – маме всегда было важно, чтобы все были сыты (эту черту от нее Вероника унаследовала и всегда заботилась о том, чтобы в доме была хорошая еда и семья была накормлена, но, конечно, гораздо позже).

Через неделю Вероника отправилась вслед за мужем в Домбай. После красивой обсаженной вековыми соснами дороги открылось удивительное ущелье, покрытое диким лесом, окружившим рокочущую по огромным глыбам камней

прозрачную речку. Вокруг высоченными стенами возвышались ослепительной белизны горные вершины на фоне такого же ослепительного синего неба. Ущелье выглядело сплошной стройплощадкой: слева на гору карабкались новые опоры для строящейся канатной дороги, а впереди по всей долине велось строительство гостиничных комплексов и турбаз для будущих горнолыжников. Оживленные группы строителей, ревущая строительная техника и родная кавказская природа вселяли надежду в сердце Вероники: здесь она рассчитывала, наконец-то, обрести стабильность и надежный дом для своей семьи. Но и здесь их не особенно ждали: начальник строительства сообщил им, что жилье предоставляется только одиночкам, а семья пусть снимает квартиру в 20 километрах – в Теберде. Это было совсем нереально с их материальным положением и, посоветовавшись, молодые решили снова все начать сначала и покинуть стройку.

Вероника с Сергеем решили сделать попытку устроиться на Кавказских Минеральных Водах, все-таки это была родина Вероники и место, где она мечтала жить с самого детства, и где жили несколько семей близких родственников, а, главное, родная бабушка Вероники.

Сказать, чтобы приезду молодых были очень рады, было бы неправдой. Но с месяц были готовы потерпеть и с готовностью стали помогать хоть как – нибудь устроиться в этой жизни. Без денег, без профессии и без жилья они все-

таки решились начать строить свою жизнь здесь. Бабушка помогла найти квартиру на окраине Минеральных Вод, а дядя нашел работу обоим, используя свои связи и знакомства. Кажется, жизнь налаживалась и, несмотря на нищету, все же давала надежду на лучшие времена.

Квартира, где поселились молодые, была маленьким летним флигелем, состоящим из шестиметровой спальни и такой же общей кухни, где готовила и сам хозяйка, и еще две квартирантки. Все эти соседи могли быть помехой, если бы не были, по счастью, приветливыми, коммуникабельными, порядочными людьми. Вероника сразу подружилась с Оксаной — такой же молодой женой, ее ровесницей, но уже мамочкой (у них с Иваном уже была двухлетняя дочь). Этот Иван был колоритной фигурой: старше их всех на шесть лет, он был очень взрослым и рассудительным мужчиной, к тому же он был типичным украинцем родом из Днепропетровска, любил застолье, песни под свой баян, сало и украинский борщ. Своей уверенностью и какой-то основательностью он являл собой символ семейного благополучия и надежности, и это тянуло к нему еще очень зыбкую и неустойчивую семейную парочку Вероники и Сергея. Пример этой семьи, тесное повседневное бытовое общение с Оксаной и Иваном вселяли веру в неуверенную душу Вероники, что все еще может быть хорошо.

Примечательной была и личность квартирной хозяйки: Ольга Васильевна, довольно пожилая уже казачка, было пол-

на противоречий: с одной стороны она была жадной на деньги, своей любимой поговоркой «счет дружбы не теряет» при расчете за квартиру она доводила Веронику до дрожи, но была и другая сторона: Ольга Васильевна время от времени организовывала во дворе общие ужины (и здесь не особенно подсчитывала, кто и сколько поставил на стол, сама выставляя свои запасы из погреба), и этим очень сблизила всех своих квартирантов между собой.

Бабу Олю все любили, она с готовностью помогала управляться по хозяйству, учила солить и мариновать на зиму, разрешала пользоваться огородом и садом. В общем, в одном лице молодые семьи обрели и хозяйку, и мамку, и бабушку. Даже спустя много лет, пока была жива баба Оля, эти две семьи приходили к ней в дни рождения, с удовольствием вспоминая годы проживания в гостеприимном доме на окраине Минеральных Вод. Они благодарили судьбу за то, что ужасный для многих семей факт проживания на частной квартире для них обернулся и хорошей школой молодых хозяек, и отсутствием страха в любой момент остаться бездомными из-за капризов и придиорок хозяйки дома, и обретением друзей в чужом городе.

Через год у Вероники с Сергеем родился сын, и совместные заботы о малыше немного сблизили молодых, хотя и добавили поводов для раздоров. Вообще – то ссор в молодой семье было много: мужу не очень нравилось, как жена

справлялась с нехитрым хозяйством, к тому же неопытность обоих в вопросах интимной жизни не позволяла им сделать эту сторону отношений приятной обоим. Неудовлетворенность порождала массу конфликтов на первый взгляд мелких, но со временем лучше не становилось. Ко всему этому прибавилось постоянная нехватка денег на самое необходимое. Даже потребности ребенка в питании и одежде приходилось урезать: покупка любой вещи превращалась в проблему, так как зарабатывал только Сергей, его скудного заработка не хватало и на оплату жилья, и на питание, и на городской транспорт, и на самую элементарную одежду и обувь: бывали дни, когда в кошельке молодой хозяйки не было пяти копеек на автобус- и она шла пешком через весь город. И даже помощи родителей Вероники было недостаточно.

Сыну было пять месяцев, когда молодая семья решила на восьмое марта навестить родителей Вероники. В марте еще холодно, но завернутым в одеяло малыша уже не пове- зешь – нужна была теплая курточка. Вероника взяла отложенные для этого пятнадцать рублей (других денег в семье не было) и пошла в город в магазин, чтобы купить курточку сыну. На привокзальной площади толпились цыгане. Вероника никогда не останавливалась на призывы цыганок погадать и « всю правду рассказать ». И в этот раз она намеревалась сделать то же самое. Молодая цыганка с малышом на руках преградила ей путь:

– Скажи, милая, где здесь детская поликлиника? Помоги,

малыш заболел!

Ну, как могла молодая мать отказать в подобной просьбе такой же молодой матери? Вероника на минуту остановилась, и это была роковая ошибка:

– Конечно, подскажу: пройди вон туда до угла, поверни налево и дальше никуда не сворачивай.

– Какая ты добрая, дай скажу тебе, что тебя ожидает очень скоро.

Вероника, измученная материальными проблемами, задающая иногда себе вопрос: а правильно ли тогда поступила, выбрав Сергея, не могла отказать себе и решила послушать, что же ее ждет. Забыв об опасности, остановилась.

– Милая, ты счастливая, но сейчас у тебя проблема, и ты идешь ее решать, только тебе помешают. Покажи, какие у тебя есть деньги?

Ну, любой здравомыслящий человек, услышав такую просьбу от цыганки, повернулся бы и ушел. Вероника же, словно под гипнозом, вытасила свои злосчастные последние пятнадцать рублей и показала гадалке. Та накрыла своей ладонью деньги на ладони Вероники, а когда отвела руку – денег не было. Опешившая от такого фокуса Вероника сначала потеряла дар речи, а потом, вдруг осознав, что попалась на хитрость цыганки, попросила:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.